

УДК 14+572.1/.4
ББК 87.5(2)-688

Оносов Александр Аркадьевич

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник философского факультета, Россия, Москва, e-mail: o.ksandr@yandex.ru

Проективная антропология: техногенез и органосинтез в философии космизма¹

*Исследуется проблема целенаправленной эволюции человека, приобретающая новое измерение в условиях разворачивающейся четвертой промышленной революции. Объектом социально-философского анализа является комплекс развиваемых в рамках учения Н.Ф. Федорова представлений об активно-эволюционных перспективах человека, гуманистический потенциал космософии в целом. В качестве предмета выступает предложенный космософией конечный образ «совершенного человека», определенного в основных чертах проективно-культурной антропологии, а также конкретные методы и принципы эволюции *homo sapiens*. В ценностном поле гуманистических представлений философии космизма выявляются фундаментальные понятия, выражающие интенцию преобразования ветхого человека. Методом содержательного анализа эксплицируются смысловые вариации таких понятий, как полноорганность, естественное тканетворение, органосозидание, психократия. Осуществляется синтез представлений космософии о человеке в виде целостной культурно-эволюционной, гуманистически заданной проекции человеческого существа. Акцентируется внимание на том, что в намечаемой практике реального совершенствования «сына человеческого» космософия утверждает начало творчески-органического культивирования проективно заданной антропологии, отводя технической оснастке процесса вспомогательную и временную роль. В рамках темы становления новой антропности для обсуждения выдвигается предположение, что в технологической среде Индустрии 4.0 классическая форма гуманизма неизбежно будет претерпевать трансформацию. При этом подчеркивается, что радикальные формы трансгуманизма могут провоцировать новую форму гонки технологий, перенесенной в гуманистическую сферу, создавать риски возникновения киберсегрегации в обществе. Утверждается, что в вопросе трансформации антропной идентичности *homo sapiens* философия космизма занимает твердую и обоснованную супраморалистическую и супрагуманистическую позицию, Космософия постулирует органическое начало в возделывании культурной антропологии, принцип естественной постепенности эволюционного процесса *homo sapiens*.*

Ключевые слова: философия общего дела Н.Ф. Федорова, космософия, проективная антропология, эволюция человека, психофизиологическая регуляция, техногенез, Индустрия 4.0, супраморализм, гуманизм, культурная антропология, трансгуманизм

© Оносов А.А., 2020

Соловьёвские исследования, 2020, вып. 3, с. 62.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Н.Ф. Федоров. Энциклопедия с онлайн-версией», грант № 18-011-00953а. (The paper is supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project no. 18-011-00953a, “N.F. Fedorov. Encyclopedia with online version”.)

Onosov Alexander A.

Lomonosov Moscow State University, Ph.D. in Philosophy, Leading Researcher at the Faculty of Philosophy, Russia, Moscow, e-mail: o.ksandr@yandex.ru

Projective anthropology: technogenesis and organosynthesis in the philosophy of cosmism

The article explores the problem of purposeful human evolution, acquiring a new dimension in the unfolding fourth industrial revolution. The object of socio-philosophical analysis is a complex of ideas of N.F. Fedorov's teachings about the actively-evolutionary perspectives of man, the humanistic potential of cosmosophy as a whole. The subject is specific methods and principles of the evolution of Homo sapiens, the final image of the «perfect man» proposed by the cosmosophy and defined in the main features of projective-cultural anthropology. The fundamental concepts that express the intention of transforming the «old man» are revealed in the value field of humanistic representations of the philosophy of cosmism. The article explicates by the method of content-analysis the semantic variations of such concepts as full organisms, natural tissue creation, organo-creation, psychocracy. The synthesis of cosmosophy's ideas about a person is carried out in the form of an integral cultural-evolutionary, humanistically given projection of a human being. Attention is focused on the fact that in the planned practice of real improvement of the «son of man», the cosmosophy confirms the beginning of creative-organic cultivation of projectively given anthropology, assigning to the technical equipment of the process an auxiliary and temporary role. For discussion within the topic frame of a new anthropology formation, it is proposed that the classical form of humanism will inevitably undergo a transformation in the technological environment of Industry 4.0. It is pointed out that the radical forms of transhumanism can provoke a new form of technology race, transferred to the humanistic sphere, and create risks of cyber segregation in society. In conclusion, it is argued that on the issue of the transformation of Homo sapiens anthropological identity, the philosophy of cosmism takes a firm and justified supramoralistic and suprahumanistic position. Cosmosophy postulates an organic principle in the cultivation of cultural anthropology and the principle of the natural gradualness of the evolutionary process.

Keywords: N.F. Fedorov's philosophy of the common cause, cosmosophy, projective anthropology, human evolution, psychophysiological regulation, technogenesis, Industry 4.0, supramoralism, humanism, cultural anthropology, transhumanism

DOI: 10.17588/2076-9210.2020.3.062-078

Когда наше тело станет нашей естественной лабораторией... тогда оно будет обладать последовательным вездесущием, т.е., оставаясь телом, будет обладать свойствами духа, станет плотью всеощущающей и всепознающей.

Н.Ф. Федоров

Современная цивилизация входит в очередную фазу прогрессивного «расцвета». Становление нового технологического уклада, переход на виртуальные рельсы четвертой промышленной революции, создают ранее немислимый, фантастический контекст не только для кибер-позитивистского, гипертехнологического восприятия и прогнозирования социоприродного бытия планеты и облика человека в духе глобального исторического времени, но и для осмысления

стратегий эволюционного движения представителя вида *Homo sapiens*, тщательно выстроенных в ценностном поле «ветхих» истин и традиционных гуманистических представлений. Такие стратегические проекты, не отрицая роли действительно позитивного знания, и полезности технологических средств вспоможения процессу эволюционного «восхождения и превосхождения»² человека, в своей методологической основе все же исходят из органического понимания прогресса, определяя и сам прогресс в его целях и содержании как ориентированный на «живую пластику» превозмогания человеческой природы.

Действительно, выход научно-практического знания на высокие технологические орбиты, овладение явлениями информационного и квантового взаимодействия, проникновение современного микро- и нано-инструментария за крепостную стену традиционного материального производства формируют картину как будто бы благой, скорой и экономически эффективной фабрикации новой антропологии для «натурального» человека. Вместе с тем события, связанные с реликтовым эхом природных стихий, свидетельствуют, что предполагаемые дары высоких технологий в их уже нынешнем пробном проявлении слабо коррелируют с реальными историческими вызовами обществу; они не способны противостоять и тем более гарантированно предотвращать угрозы жизни отдельного представителя цивилизованного общества и риски существования человечества в целом. Весь технико-технологический арсенал, представляющийся в виде надежной брони, под панцирем которой вызревают безупречные формы человеческого существа, оказывается всего лишь цивилизационной коростой, скрывающей все того же ветхого человека, ограниченного и уязвленного природой в его естественных возможностях и, тем более, в самопровозглашенных им неотъемлемых правах.

Трансгуманистически самовозбуждавшийся в условиях информационного общества кибертехнологизм, очевидно, рассчитывает решать вопросы антропной идентичности, собственно исконного гуманизма, постфактум, ретроспективно оценивая обнаруживаемый эффект и допуская издержки в пределах стандартной социологической погрешности; «микроскопия личности» не представляет для него интереса и перестает быть различимой в масштабе закона больших чисел. «Статистический гуманизм» никогда не имел дело с судьбой человека, который в частном экзистенциальном выражении, конечно же, есть не только представитель научно классифицируемого особого вида живого вещества биосферы, но и чувственно детерминированная актуальная частица орошенного жизнью праха в родовой цепи, органически заземленной в социальной и геологической истории планеты.

Удивительным (и в то же время закономерным!) образом, открывающиеся культурно-промышленные возможности четвертой индустрии, безнадежно обесценивая многие прежние футуристические проекции и обетования, в то же время позволяют соединить стремительно нарастающий технологический потенциал

² См.: Булгаков С.Н. Агнец Божий: О Богочеловечестве. Ч. 1. Париж: YMCA-Press, 1933. С. 307 [1].

общества с теми «эскизами» и проектами новой антропологии, которые изначально и императивно строятся на принципе органического преобразования человека, исходят из «естественного гуманизма», заданного на множестве видовых свойств и качеств *Homo sapiens*. И именно такой *hs*-гуманизм, охватывающий весь природный объем человеческого существа, позволяет выстраивать надежную лестницу органического восхождения ветхого человека от онтологии земного к сверхэмпирике небесного.

Именно с таким познавательным прицелом можно обращаться к проективной философии общего дела Н.Ф. Федорова, унаследованной историей отечественной мысли в качестве системно сбалансированной, нравственно и гуманистически обоснованной широкоформатной панорамы активно-эволюционного преобразования человека.

Содержание гуманизма в учении Федорова задается пониманием самого источника и носителя «естественного» гуманизма – человека. «Человек», в критическом раскрытии Федоровым этого понятия, есть лишь идентификатор, закрепляющий в человеческом сознании факт природной антропологической данности и тем самым невольно (а именно – безвольно) фиксирующий согласие со статусом ограниченного существа, собственно не принадлежащего самому себе и не подвластного своей воле. ««Человек» – это уже истасканное слово, обозначающее собою такое существо, которое с гордостью оповещает о своих слабостях... <...> Это – отвлеченное понятие; с одной стороны, оно значит: не зверь, не скот; а с другой стороны – не ангел, не дух» [2, с. 197]. Кроме того, человек как абстрактное обозначение представителя вида *Homo sapiens* не устраивает Федорова, поскольку этот термин ничего не говорит о долге каждого конкретного человека по отношению к его отцам, т.е. не содержит в себе указание на долг воскрешения ушедших предков.

Определив природно-исторический статус человека как *сына* своего отца и как *смертного*, философия общего дела генерирует ряд производных категорий, выражающих истинное содержание родовой связи (и ответственности!) поколений. По новому раскрывается и понятие человечности, один из смыслов которого выражает традиционные ценности гуманистических отношений в обществе, другой – новое состояние психофизической организованности самого человека, эволюционное качество его телесности, т.е. проективную антропологию.

Таким образом, гуманизм – его смысл как понятия и его содержание как дела – соопределяется супраморалистическими задачами общего дела, заданного философией космизма: воскрешением мертвых, восстановлением к новому бытию всех исторически прошедших поколений и терпеливым пестованием – именно культивированием – новой антропологии, которой облекается не абстрактный, нравственно неразмеченный представитель *Homo* – статистический носитель видовых свойств, а всегда конкретная личность. «Сын» и «смертный» – именно эти два определения позволили Федорову сфокусировать внимание на главной сущности разумного существа, выдвинуть и предложить решение задачи сознательного преодоления его стихийно-природных ограничителей. В

таком восстанавливающем и преображающем сбережении человека супраморализм есть, одновременно, и верхний предел гуманизма, или супрагуманизм. Воскрешение человека без сохранения человечности не только лишено смысла, но означало бы прямое насилие над самой природой в макромасштабе ее проявлений.

В космософии возможные методологии и практики реального совершенствования человека осмысливаются в рамках разных технологий, в широком смысле понимаемых как общие способы «имманентного» осуществления психофизиологической регуляции. Намечая несколько перспективно возможных практических методов решения «вопроса о смерти и жизни», задач «анастатики» и «патрофикации», Федоров делает аргументированный выбор в пользу именно творчески-органического культивирования проективно заданной антропологии, отводя технической оснастке процесса вспомогательную и временную роль. В целом, по мнению современных исследователей идейного наследия космософии, «с идеей регуляции в философии космизма связана перспектива перехода от технического прогресса, механически, орудийно воздействующего на природу, к прогрессу органическому, сопряженному с чутким, сердечным вниканием в бытие, овладением внутренними его законами»³.

Одновременно Федоров решительно отметал попытки метафизического толкования и трансцендентного решения задач преображения человека, обретения им статуса бессмертного, полноорганичного существа, воскрешения умерших. «Воскрешение же телесное само по себе, если не понимать его метафорически или аллегорически, иносказательно, есть прямое отрицание мистицизма», – критически замечал он по поводу представления Достоевского о повоскресном состоянии человека [4, с. 14].

Понимание структуры и соотношения возможных приемов регуляции в их взаимодействии и взаимосвязи было выражено Федоровым в декабре 1897 г. в письме к подвижнику В.А. Кожевникову, в целом принимавшему комплекс проективных задач общего дела, в ответ на доводы последнего в пользу техногенной антропоургии: «Что касается до техники, превозносимой Вами, то я признаю ее существование и значение, но лишь как временное и переходное. На что понадобилось Вам летание? Конечно, и оно может иметь значение в деле исследования, следовательно полезнее велосипеда. Думать, что аэростат может служить исходным пунктом, открывающим возможность перемещения в небесных пространствах, переходом в другие небесные земли, по нашему мнению, есть большая ошибка. Гистотерапия и органотерапия, которые не только служат обновлением, но и началом воссоздания своего организма, а вместе с тем и возвращением отцам отеческого, они и создадут организмы, способные к безграничному перемещению. Только воскрешающие и воскрешенные могут иметь эту способность. Созидание своего тела так же связано с воссозданием

³ См.: Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Сократ: Николай Федорович Федоров (1829–1903). М.: Академический проект, 2018. С. 305 [3].

родительского, как питание с рождением нового существа» [5, с. 322]. Это федоровское определение места техники в общем потоке проективного дела можно считать ключевой формулой, которой определяется логика и стратегия психофизиологической регуляции, направленной на целостное и эволюционно-последовательное преобразование человека.

Конкретная гуманистическая проекция «сына человеческого» в учении Федорова раскрывается как *полноорганность*, обладание которой делает человека всепотенциальным существом. Это полный маршрут преобразования, на котором человек делает «свою эмпирическую природу сверх-эмпирической»⁴, венчая свою биологическую историю рождением «человека духовного»⁵.

Полноорганность является фундаментальным понятием в категориальном ряду учения Федорова, выражающим идею задаваемого и управляемого преобразования человека, выработки путем внутренней – психофизической и психофизиологической, в целом антропной – регуляции совершенного человеческого организма. Полноорганность возникает в результате культурно-эволюционного синтеза морфологических и функционально-физиологических свойств будущего человека, организм которого представляет собой телесно воплощенное «единство знания и действия»⁶.

Полноорганность – это системное представление о новой антропологии, включающее в себе и раскрывающееся через совокупность свойств, атрибутируемых «человеку восходящему», таких как способность «естественного тканетворения», «органосозидания»⁷, психократического взаимознания всех сынов, открывающего возможность социальной трансформации по образу Св. Троицы. Выработка и обретение в ходе общего дела состояния полноорганности позволит человеку «фабриковать всю свою телесную оболочку со всеми органами, кои делали бы ненужными искусственные покровы и орудия»⁸; откроет способность «воспроизводить себя из самых элементарных веществ»⁹. Полноорганность как обобщающее и универсальное свойство совершенного организма, как стратегия самой разумной жизни и ее вселенская архитектура позволяет человеку создавать себе специализированные органы, принимать различные формы и проявлять конкретные, актуально востребованные качества, необходимые «для существования во всех мирах и во всех сре-

⁴ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 259 [6].

⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 154 [7].

⁶ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 281 [8].

⁷ См.: Федоров Н.Ф. О задачах Конференции о разоружении // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 295 [9].

⁸ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... // Указ. соч. С. 265.

⁹ См.: Федоров Н.Ф. Заметки о статье В.С. Соловьева «Лермонтов» // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 82 [10].

дах»¹⁰, и таким образом сделаться существом всеобщим, способным жить всюду. В такой постановке вопрос о выработке полноорганности человека тождественен задаче антропного выражения принципа космической всеобщности и всюдности жизни. Представление о полноорганности как новом антропологическом качестве обозначило одну из высочайших мировоззренчески-сакральных вершин в идейном ландшафте общего дела Н.Ф. Федорова и космологии в целом.

В проективной перспективе полноорганность как свойство самообладания и самосозидания, высшими формами которых является воскрешение – самовоссоздание, противодействует полному и покорному подчинению среде жизни, т.е. превращению самого человеческого организма в орган, орудие природы, что квалифицировалось Федоровым как одно из извращений «мира в природу... в слепую силу»¹¹, – такое состояние телесной самоопределенности человека превращает саму планету и среду жизни на ней в органы человека, делая его самого независимым, а планету – сознающей и самоуправляемой. Для полноорганных людей, претворивших и обогативших свою природу, планета станет познаваемой и прозрачной для целесообразного действия, «ибо будут у каждого очи, способные ощущать всякую вибрацию, будет каждый способным создавать себе орган ощущения для всего сущего. Многоочитое существо может закрывать и открывать свои бесчисленные органы зрения, ощущения»¹². К такому образу полноорганного человека Федоров восходит из библейских представлений о небесных существах – херувимах и серафимах, «полных глаз» (Иезек. 1:18), «исполненных очей» (Откр. 4:6). Обобщая этот образ, эволюционная проекция сверхэмпирической антропологии обозначает феномен полиморфного существа, телесно пре-существовавшего свою природу, наделенного новыми органическими свойствами, как существа уже духовного, иного разряда телесности, возведенного общим делом в ангельский чин, «как Ангелы Божии на небесах» (Мф 22:30).

«Небесная сущность» полноорганного человека, выработавшего «тело духовное» (1 Кор. 15:44), также открывает возможность замены циклов рождения и смерти «духовным зачатием» и «духовным зодчеством» человека, воскрешением умерших, позволит «не только не рождаться, но и сделаться нерожденным, т.е. восстанавливая из себя тех, от коих рожден сам, и себя воссоздать в виде существа, в коем все сознается и управляется волею. Такое существо, будучи *материальным*, ничем не отличается от духа»¹³. В половом рождении Федоров видел проявление животной формы биологического воспроизводства, характерной для несовершеннолетнего эмпирического человека, и для общества, устроенного *по типу организма*. В чреде поколений, исторически сковывающих родовые цепи, каждое новое поколение неизбежно, по законам биологической эволюции, вы-

¹⁰ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... // Указ. соч. С. 292.

¹¹ Там же. С. 303.

¹² См.: Федоров Н.Ф. Письмо к В.А. Кожевникову. Между 8 и 12 июля 1898 г. // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. С. 339 [11].

¹³ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... // Указ. соч. С. 280.

тесняет и обрекает на «естественную» смерть предшествующие, в буквальном смысле воспитавшие собой своих потомков. Кроме того, инстинкт полового подбора как необходимый «рефлекс» животной эволюции порождает борьбу, неродственность и истребление себе подобных. В результате, утверждал Федоров, «извращенная природа под видом брака и рождения скрывает смерть»¹⁴. Психофизиологическая метаморфоза человека в полноорганное существо, претворяя половую энергию, в обществе, устроенном *по типу Св. Троицы*, «даст перевес любви к родителям над половым чувством и похотью и даже совсем заметит их, обращая силу рождающую в воссозидающую, умерщвляющую в оживляющую, т.е. заменяя деторождение отцветворением, или воссозиданием отцов, как исполнением воли Бога отцов»¹⁵.

Перспектива достижения человеком полноорганности имеет в учении Федорова нравственно-эволюционное обоснование. Организм человека вырабатывался в ходе стихийного естественного процесса, эволюции, обусловившей органический – не только функциональный, но и морфологический – порок разумного существа – его смертность. В.С. Соловьев считал смерть «типичной *неправдой*», физически узаконенной в природе человека, – таков категорический вывод «нравственной философии»¹⁶. Этот изъян слепой бессознательной природы подлечит исправлению кумулятивной «сознающей силой» исторически целостного человеческого рода, объединенного в общем деле. Задача человека относительно своего организма, в понимании Федорова, «состоит в том, чтобы обратить его в управляемый разумом, воссозданный»¹⁷, возмещающий своими сознательно и целесообразно выработанными качествами все недостатки и весь ущерб естественного организма. При этом Федоров выступал против ограничения исторического процесса совершенствования человека только надорганической (культурной и социальной) эволюцией, утверждая, что он должен охватывать и «нижние этажи» эволюции (неорганической и органической). На обязательности морфологического видоизменения человека Федоров настаивал в споре с Соловьевым, критикуя его «функциональный» подход в вопросе бессмертия. В статье «Бессмертие как привилегия сверхчеловеков» Федоров утверждал, что «смерть стала пороком органическим, не функциональным, а морфологическим. Недостаточно, следовательно, одних функциональных изменений организма...»¹⁸. Таким образом, выработка полноорганности сопряжена с развертыванием ра-

¹⁴ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... // Указ. соч. С. 300.

¹⁵ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. С. 407 [12].

¹⁶ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. С. 307 [13].

¹⁷ См.: Федоров Н.Ф. Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков (По поводу статьи В.С. Соловьева о Лермонтове) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 138 [14].

¹⁸ Там же.

зумно-естественного, нравственно фундаментированного эволюционного процесса, целостно вовлекающего в поток сознательно направляемого развития всю природную данность человека и переопределяющего его историю, историю планетного социума.

Начало истории становления полноорганичности Федоров усматривал в восстании человека – его переходе к прямохождению, вызвавшем морфологические изменения организма человеческого существа, освободившем его руки от функции опоры и перемещения и превратившем их в орудия действия; но это «только первый шаг в освобождении от рабства слепой силе»¹⁹ на пути замены природно-дарового по рождению сознательно-трудовым по общему делу.

Строение организма, морфология и функционирование органов должны стать результатом познания и делом преобразования человеком своей ветхой природы, преодолевающим ограниченность «эмпирического тела». В осознании такой перспективы как задачи общего дела Федоров мыслил, что все внешние технические средства и инструментальные приспособления (микроскопы, микрофоны, спектроскопы и т.д. – весь функционал техносферы) должны быть создаваемы при необходимости и по воле человека как органические свойства, именно как естественные органы его организма, служащие функциональным дополнением и расширением антропологии, становящейся в процессе такого органотворчества переменной, потенциально неограниченной и в этом смысле – полноорганичной. Питание полноорганичного организма есть «сознательно-творческий процесс обращения человеком элементарных, космических веществ в минеральные, потом растительные и, наконец, живые ткани»²⁰, и в таком содержании оно обеспечивает гарантированное решение *продовольственного вопроса* для всего исторически полного – и анастатически восполненного – человеческого рода. В *санитарном вопросе* полноорганичность противодействует органической энтропии тела, патологии органов и служит средством осуществления бессмертия человека: построенное и устроенное самим человеком тело «не может уже быть смертным»²¹. С этих позиций открывается социальный супраморалистический горизонт бытия полноорганичных людей: вместо убийственной последовательности, дробной чреды личностей, безжалостно-прогрессивной смены поколений, которая необходимым образом сопряжена со смертностью, при полноорганичности, знаменующей бессмертие человека, появляется возможность сосуществования личностей в единстве их поколений, осуществляющих согласованное действие «на весь мир, в регуляции и бесконечном творчестве»²². Последовательность же при полноорганичности выражается «свободным действием личностей, переменою форм, путешествием, так сказать, при коем меняются органы, как экипажи,

¹⁹ См.: Федоров Н.Ф. К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. С. 137 [15].

²⁰ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 281.

²¹ См.: Федоров Н.Ф. «Не-делание» ли или же отеческое и братское дело // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 367 [16].

²² См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 281.

одежды»²³, т.е. реализацией возможности динамической перестройки – модификации, дооснащения – своего организма в соответствии с постановкой и условиями творческой задачи. Полноорганность разумного существа является необходимым условием установления психократии и осуществления высшей формы единства человечества, достигаемой, как уже говорилось выше, в обществе, устроенном по типу Троицы.

Таким образом, на пути к достижению полноорганности человеку предстоит выработать способность динамической перестройки морфологии и физиологии организма – пластической «метаморфозы вещества»²⁴, овладеть методами модификации своей всепотенциальной сущности, преодолевающей любые ограничения внешней среды существования человека, но неизменно сохраняющей – и раскрывающей во всей космологической полноте – гуманистическое ядро разумной жизни. Полноорганный человек – это проективно заданный, «целесообразный организм», соответствующий целям общего дела; он уже не есть *стихийное* проявление природной эволюции. Характер самого эволюционного процесса при этом меняется: первоначально определенный в рамках явления животного мира, он постепенно подчиняется разумному началу, приобретает предзаданную человеком направленность и закономерность: «природа в нас начинает не только сознать себя, но и управлять собою»²⁵. В результате человек «переключает» управление процессом эволюции со стихийно-природных факторов на сознательно-целесообразные, становится творческой инстанцией, осуществляющей обращение «слепой силы природы в управляемую разумом»²⁶. Таким образом, философия космизма включила психику в эволюцию человеческого существа в качестве нового типа природной, естественной причинности, отведя биологическим факторам роль стартовых и «разгонных» импульсов. «Потому-то и нет в природе целесообразности, – делает вывод Федоров, – что ее должен внести сам человек, и в этом заключается высшая целесообразность» [8, с. 255]. Проект общего дела как всемирное предприятие мировой регуляции, совмещающий принцип эволюционизма с идеей о богочеловечестве, задает вектор культурно-эволюционной деонтологии. В этом именно выражается проективное начало философии космизма, ее задача самостоятельного эволюционного восхождения человека, инициатива активно-христианского восстановления и онтологического преобразования падшего мира, деятельного превращения «истории как факта» в «историю как акт»²⁷ и свершения творческой эсхатологии.

²³ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 281.

²⁴ Там же.

²⁵ См.: Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но, тем не менее, враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 239 [17].

²⁶ См.: Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 17 [18].

²⁷ См.: Федоров Н.Ф. О завершении роста человеческого рода; об его физическом совершеннолетии и умственном несовершеннолетии (К 3-му юбилейному акту) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 300 [19].

Выработка полноорганичности во всей смысловой и содержательной многомерности этого свойства как культурной антропологии, знаменующего новый онтологический статус человека, требует органической техники и животворного искусства естественного тканеворения и органосозидания, сознательного телостроения. Активно-эволюционную проекцию человеческого существа мыслитель считал выражением высшего гуманизма, или супрагуманизма: выработав в своей природе свойство полноорганичности, человек «будет тогда *больше самим собою, чем теперь...* то, что в нем существует в настоящее время мысленно, или в неопределенных лишь стремлениях, только *проективно*, то будет тогда в нем *действительно, явно, крылья души сделаются тогда телесными крыльями*»²⁸.

Одним из конкретных приемов достижения полноорганичности, выработки новой антропологии, в проекте общего дела выступает «естественное тканеворение» – способность генерации органических тканей человека, возможность создания и воссоздания «тех тканей, из коих слагается человеческий организм»²⁹. При этом термин изначально акцентирован определением «естественное».

Естественность такой техники раскрывается в двух смысловых плоскостях. Во-первых, как объективная необходимость для разумного совершеннолетнего общества подобной эволюционно-творческой деятельности – она соответствует задачам воплощения действительных, фундаментальных – витальных и поствитальных – ценностей. В таком целеполагании естественными неизбежно становятся не искусственные, т.е. противоестественные заботы и потребности «торгово-промышленной» цивилизации как торжества новоязычества, а полное и безусловное решение действительно насущных задач бытия, вопроса «о жизни и смерти»: продовольственного и санитарного вопросов, самостоятельного и гарантированного обеспечения жизни каждого человека и человечества в целом, телесного перевоплощения умерших. Другой смысл органической техники естественного тканеворения открывается как раз в способах получения текстуры живого организма, основанных на эволюционной пластике постепенного преобразования разумной жизни в совершенный вид и представляющих собой класс «природоподобных технологий». Таким образом, естественное тканеворение противопоставляется «художественно-мануфактурному идолопоклонству», искусственному производству тканей и внеприродных органов живого организма.

Эволюционные перспективы человека Федоров связывал со становлением 3-го, «семейного» индустриализма, научно-технологически обеспеченного познанием и использованием законов природы в общем деле воскрешения отцов, в котором «все при взаимном содействии будут физиками, химиками, механиками своих тел и психологами своих душ»³⁰. Современный индустриализм, констатирует мыслитель, сосредоточен пока на производстве искусственных тканей, по-

²⁸ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 282.

²⁹ См.: Федоров Н.Ф. Письмо к В.С. Соловьёву. Сентябрь – декабрь 1897 г. // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. С. 320 [20].

³⁰ См.: Федоров Н.Ф. Эволюция и коллективизм или воскрешение и объединение // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция, 1997. С. 281 [21].

кровов, орудий, под которыми Федоров понимал все внешние, промышленно вырабатываемые «мануфактурные» продукты: это «лишь искусственное, мертвое производство тканей (или покровов) и органов человеческого тела, т.е. подделка»³¹. Такая промышленность, занятая изобретением, конструированием и производством техногенных «костылей» несовершенного человека, «ни нравственно, ни физически не может быть эквивалентным возмещением действительного разрушения жизни, хотя бы к промышленности присоединили и все искусство»³².

В отличие от «искусственной промышленности», 3-й индустриализм призван заниматься «естественным тканеворением, производением естественных покровов, из коих сложены тела»³³, и дальше – органотворением, органосозиданием – созданием, восстановлением и усовершенствованием органов человеческого тела. «Конечную же целью 3-го индустриализма будет воссоединение распавшихся и разложившихся в прах тел в живые тела умерших отцов»³⁴, полагал «отец» космософии. Начала «действительно естественной промышленности» он видел в гистотерапии и органотерапии, которые не могут ограничиваться «лишь исправлением повреждений тканей или ослаблений во всех органах»³⁵, а должны служить «способом обновления всех тканей, словом – пересоздания или воссоздания, в чем и состоит совершенство этого метода лечения»³⁶. Дальнейшее развитие этих подходов позволит выработать методы внутренней, психофизиологической регуляции посредством гистогенезиса и органогенезиса, управления «строением тканей органических и самих органов»³⁷. Такая творчески-эволюционная задача выражена федоровской максимой: «наше тело должно быть нашим делом»³⁸, следование которой позволит сынам вернуть умерших отцов, а человеку достичь бессмертия.

Обретение человеком способности органотворения, органосозидания позволят ему создавать и восстанавливать, совершенствовать и целесообразно модифицировать необходимые органы. Это следующий уровень самостоятельности и самодержавности живого организма разумного существа, на котором открывается возможность формирования проективно заданных органических свойств будущего человека в его культурно-эволюционном преображении: «через разум

³¹ См.: Федоров Н.Ф. Задача Конференции мира // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 319 [22].

³² См.: Федоров Н.Ф. Умиротворение – заветная задача русских самодержцев // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 304 [23].

³³ См.: Федоров Н.Ф. О задачах Конференции о разоружении. С. 295.

³⁴ Там же.

³⁵ См.: Федоров Н.Ф. Внутренняя регуляция, или преобразование живущих, сынов, и первое воскрешение умерших, отцов, и первое вознесение их на иные миры (планеты) для расширения внешней регуляции, а с нею дальнейших воскрешений или священнодействий, как выражение супраморализма // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. С. 357 [24].

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Федоров Н.Ф. Задача Конференции мира. С. 320.

³⁸ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... // Указ. соч. С. 82.

будет достигаться дальнейшее совершенствование, дальнейшее созидание органов вместо органов, слепым путем рождения данных»³⁹.

На протяжении всей истории в ходе технологического развития человек создает и воссоздает необходимые ему органы и орудия (техника в самом широком понимании), редактирующие и ремонтирующие, дополняющие и расширяющие его естественную психофизиологическую конституцию. Но такое производство является искусственным, внешним по отношению к самому человеку, идущим «по касательной» к его природе, и не сопровождается изменением – совершенствованием – самого человеческого существа. В этом смысловом измерении идея органотворения заключается в переходе от внешнего, «мануфактурного» процесса к внутреннему, органическому, связанному с усовершенствованием морфологии и физиологии человека. Вместо культурного преобразования «вне-человека», которое «суть воспроизведение и изменение внешнего мира»⁴⁰, необходимо сосредоточенное возделывание природы самого человека.

В широкоформатном смысле органосозидание является одним из ключевых «технологических узлов» патрофикации: развернутое на поколения умерших отцов, оно служит в общем деле их воскрешения особой органической техникой и специальным животворным искусством воссоздания органов и новых тел из праха. В исчерпывающе полной постановке задача органосозидания, телостроения содержательно направлена на «постройку как собственного тела, так и тел своих отцов и предков»⁴¹. Реальными методами ее решения выступают гистотерапия и органотерапия, которые «не только служат обновлением, но и началом воссоздания своего организма, а вместе с тем и возвращением отцам отеческого...»⁴².

Методами психофизиологических исследований и регуляции в обществе достигается практическое и полное взаимознание – знание способностей каждого для участия в общем отцовском деле и личностных потребностей. На основании такой взаимности в деятельном самопознании определяются «как подушная подать каждого (т. е. его служба обществу), так и душевой его надел»⁴³ (т.е. возможность личного психофизического преображения в общем деле). Такое синтезируемое в ходе антропной регуляции психофизиологическое знание служит прочным фундаментом для установления естественных, глубоких и гармоничных психосоциальных связей и взаимодействий в форме особой общности – психократического общества.

В проекте общего дела психократия преодолевает структурные и функциональные рамки традиционной социальной организованности, задающей общество по типу организма, и, осуществляя во взаимных общественных отношениях

³⁹ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) С. 390.

⁴⁰ См.: Федоров Н.Ф. О задачах Конференции о разоружении. С. 294.

⁴¹ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 281.

⁴² См.: Федоров Н.Ф. Письмо к В.А. Кожевникову. С. 322.

⁴³ См.: Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве... С. 270.

«подобие точное Троицеобразного существа»⁴⁴, вырабатывает идеальную форму социально-психического устройства – общество по типу Троицы. В творческой исполненности общего дела и онтологическом преображении человечества психократия, по учению Федорова, охватывает весь мир, распространяется на все пласты реальности; «в труде познания и управления бездушной силою космоса»⁴⁵ психократия, в проективной мысли, будет уже неотделима от космологии, станет космократией и «выражением божественной красоты»⁴⁶. В предельном выражении такая форма регуляции раскрывается как творческое и полное «откровение Богочеловечества»⁴⁷, грядущее ведение и «стяжание Духа Святого»⁴⁸, означающее построение духоносной социальной соборности. Таким образом, в религиозно выраженной космологии человеческая история осознается как «теогонический процесс»⁴⁹. Апотеистическая дерзость человечества направлена на преодоление наиболее трагической неродственности в мире – его отделенности вместе с человеком от Бога. Ее содержание Соловьев раскрывал следующим образом: «Если все существующее (в природе или мировой душе) должно соединиться с Божеством – а в этом цель всего бытия, – то это единство, чтобы быть действительным единством, очевидно, должно быть обоюдным, т.е. идти не только от Бога, но и от природы, быть и ее собственным делом» [13, с. 137].

В полноте решения задач общего дела, в процессе активно-эволюционного обретения свойств новой антропности происходит одновременное динамическое раскрытие и самого гуманистического потенциала человека. Безусловно, в технологической среде третьего (по Федорову) или четвертого (по современному историческому факту) индустриализма классическая форма гуманизма неизбежно претерпевает трансформацию. Трансгуманистические соблазны индустрии 4.0, создающие риск «инновационного» переопределения сущности человека и всей культурно-исторической традиции гуманизма, актуализируют в сознании современного общества апокалиптические сюжеты постчеловеческого будущего. Трансгуманизм провоцирует новую форму гонки технологий, перенесенной в гуманистическую сферу и использующей самого человека, его антропологию как особый природный эволюционный ресурс. Трансгуманистический идейный нарратив сопряжен с угрозами возникновения новых линий раздела, киберсегрегации как технокультурной формы неродственности в обществе, пока еще тщетно стремящегося к глобальной и подлинной целостности, и тем самым застигает перспективы общего дела, к участию в котором призываются все без исключения – дела, открывающего онтологические горизонты для всего человечества. Сегодня супраморализм и супрагуманизм векового учения об общем апотеозисе про-

⁴⁴ См.: Федоров Н.Ф. Эволюция и коллективизм или воскрешение и объединение. С. 281.

⁴⁵ См.: Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез... С. 422; Федоров Н.Ф. О соединении двух разумов // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. С. 96 [25].

⁴⁶ См.: Федоров Н.Ф. Кризис марксизма // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. С. 283 [26].

⁴⁷ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. С. 172.

⁴⁸ См.: Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. С. 128.

⁴⁹ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. С. 142–145.

ективно (в деле) и активно (в мысли) противостоит современному технократически радикализованному гуманизму. Русская космофилософия, представляя различные формы и способы усовершенствования природы «натурального» человека путем эволюционно направленной психофизиологической регуляции, постулирует органическое начало в возделывании культурной антропологии и неразрывно связанный с ним принцип «священной постепенности» процесса, реализующего стратегию «тихой эволюции». Принцип «органической гладкости» восходящей линии человеческого совершенства можно считать этическим обобщением проективной мысли философии космизма.

Список литературы

1. Булгаков С.Н. Агнец Божий: О Богочеловечестве. Ч. 1. Париж: YMCA-Press, 1933. 468 с.
2. Федоров Н.Ф. Сын, Человек и их синтез – Сын Человеческий // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 196–198.
3. Гачева А.Г., Семенова С.Г. О космизме в энциклопедическом жанре // Московский Софист: Николай Федорович Федоров (1829–1903). М.: Академический проект, 2018. С. 291–316.
4. Федоров Н.Ф. Союз с Достоевским очень невыгоден для нас // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 14.
5. Федоров Н.Ф. Письмо к В.А. Кожевникову. Последняя треть ноября – начало декабря 1897 г. // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 322–323.
6. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1. М.: Правда, 1990. 490 с.
7. Соловьёв В.С. Чтения о богочеловечестве // Соловьёв В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–172.
8. Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 35–308.
9. Федоров Н.Ф. О задачах Конференции о разоружении // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 292–296.
10. Федоров Н.Ф. Заметки о статье В.С. Соловьёва «Лермонтов» // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 80–87.
11. Федоров Н.Ф. Письмо к В.А. Кожевникову. Между 8 и 12 июля 1898 г. // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 338–339.
12. Федоров Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т.е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. I. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 388–441.
13. Соловьёв В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. 615 с.
14. Федоров Н.Ф. Бессмертие, как привилегия сверхчеловеков (По поводу статьи В.С. Соловьёва о Лермонтове) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 136–140.
15. Федоров Н.Ф. К отрицанию разъединения. Свобода совести – свобода на ложь и на рознь // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 131–138.
16. Федоров Н.Ф. «Не-делание» ли или же отеческое и братское дело // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 342–370.
17. Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присущий, в нас и вне нас живущий, но, тем не менее, враг лишь временный? // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 239.
18. Федоров Н.Ф. Самодержавие // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 3–38.

19. Федоров Н.Ф. О завершении роста человеческого рода; об его физическом совершеннoлетии и умственном несовершеннoлетии (К 3-му юбилейному акту) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 299–300.
20. Федоров Н.Ф. Письмо к В.С. Соловьеву. Сентябрь – декабрь 1897 г. // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. IV. М.: Традиция, 1999. С. 318–321.
21. Федоров Н.Ф. Эволюция и коллективизм или воскрешение и объединение // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция, 1997. С. 281.
22. Федоров Н.Ф. Задача Конференции мира // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 316–331.
23. Федоров Н.Ф. Умиротворение – заветная задача русских самодержцев // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 303–305.
24. Федоров Н.Ф. Внутренняя регуляция, или преобразование живущих, сынов, и первое воскрешение умерших, отцов, и первое вознесение их на иные миры (планеты) для расширения внешней регуляции, а с нею дальнейших воскрешений или священнодействий, как выражение супрамо-рализма // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция, 1997. С. 355–359.
25. Федоров Н.Ф. О соединении двух разумов // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. II. М.: Изд. группа «Прогресс», 1995. С. 95–96.
26. Федоров Н.Ф. Кризис марксизма // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4 т. Т. III. М.: Традиция, 1997. С. 382–283.

References

1. Bulgakov, S.N. *Agnets Bozhii: O Bogochelovechestve. Ch. I* [The Lamb of God: About God-manhood. Part 1]. Paris: YMCA-Press, 1933. 468 p.
2. Fedorov, N.F. Syn, Chelovek i ikh sintez – Syn Chelovecheskiy [Son, Man and Their Synthesis – Son of Man], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 196–198.
3. Gacheva, A.G., Semenova, S.G. O kosmizme v entsiklopedicheskom zhanre [About cosmism in the encyclopedic genre], in *Moskovskiy Sokrat: Nikolay Fedorovich Fedorov (1829–1903)* [Moscow Socrates: Nikolai Fedorovich Fedorov (1829–1903)]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2018, pp. 291–316.
4. Fedorov, N.F. Soyuz s Dostoevskim ochen' nevygoden dlya nas [Union with Dostoevsky is very disadvantageous for us], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol., vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, p. 14.
5. Fedorov, N.F. Pis'mo k V.A. Kozhevnikovu. Poslednyaya tret' noyabrya – nachalo dekabrya 1897 g. [Letter to V.A. Kozhevnikov. Last third of November – early December 1897], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol., vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 322–323.
6. Florenskiy, P.A. *Stolp i utverzhdenie istiny. T. I* [Pillar and statement of truth. Vol. 1]. Moscow: Pravda, 1990. 490 p.
7. Solov'ev, V.S. Chteniya o bogochelovechestve [Readings about God-manhood], in Solov'ev, V.S. *Sochineniya v 2 t., t. 2* [Works in 2 vol., vol. 2]. Moscow: Pravda, 1989, pp. 3–172.
8. Fedorov, N.F. Vopros o bratstve, ili rodstve, o prichinakh nebratskogo, nerodstvennogo, t.e. nemirnogo, sostoyaniya mira i o sredstvakh k vosstanovleniyu rodstva (Zapiska ot neuchenykh k uchenym, dukhovnym i svetskim, k veruyushchim i neveruyushchim) [The question of brotherhood, or kinship, about the reasons for non-brotherhood, unrelated, i.e. non-peaceful, state of the world and about the means to restore kinship (Note from the uneducated to the scientists, spiritual and secular, to believers and unbelievers)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. I* [Collected Works in 4 vol., vol. I]. Moscow: Progress, 1995, pp. 35–308.
9. Fedorov, N.F. O zadachakh Konferentsii o razoruzhenii [About tasks of the Conference on Disarmament], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 292–296.
10. Fedorov, N.F. Zametki o stat'e V.S. Solov'eva «Lermontov» [Notes on the article by V.S. Solov'ov «Lermontov»], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol.,

vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 80–87.

11. Fedorov, N.F. Pis'mo k V.A. Kozhevnikovu. Mezhdru 8 i 12 iyulya 1898 g. [Letter to V.A. Kozhevnikov. Between 8 and 12 July 1898], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol., vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 338–339.

12. Fedorov, N.F. Supramoralizm, ili vseobshchiy sintez (t. e. vseobshchee ob"edinenie) [Supramoralism, or universal synthesis (i.e. universal unification)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. I* [Collected Works in 4 vol., vol. I]. Moscow: Progress, 1995, pp. 388–441.

13. Solov'ev, V.S. *Opravdanie dobra: Nравstvennaya filosofiya* [The Justification of the Good: Moral philosophy]. Moscow: Tip. D.A. Bonch-Bruевич, 1899. 615 p.

14. Fedorov, N.F. Bessmertie, kak privilegiya sverkhchelovekov (Po povodu stat'i V.S. Solov'eva o Lermontove) [Immortality as a privilege of supermen (Regarding V.S. Soloviev's article about Lermontov)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 136–140.

15. Fedorov, N.F. K otritsaniyu raz"edineniya. Svoboda sovesti – svoboda na lozh' i na rozn' [To the denial of separation. Freedom of conscience – freedom to lie and to strive], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol., vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 131–138.

16. Fedorov, N.F. «Ne-delanie» li ili zhe otecheskoe i bratskoe delo [«Not-doing» or is it a fatherly and brotherly affair], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 342–370.

17. Fedorov, N.F. Kto nash obshchiy vrag, edinyy, vezde i vseгда prisushchiy, v nas i vne nas zhivushchiy, no, tem ne menee, vrag lish' vremennyy? [Who is our common enemy, one, everywhere and always inherent, living in us and outside of us, but, nevertheless, only a temporary enemy?], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, p. 239.

18. Fedorov, N.F. Samoderzhavie [Autocracy], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 3–38.

19. Fedorov, N.F. O zavershenii rosta chelovecheskogo roda; ob ego fizicheskom sovershennoletii i umstvennom nesovershennoletii (K 3-mu yubileynomu aktu) [The completion of the growth of the human race; about his physical majority and mental minority (To the 3rd anniversary act)], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 299–300.

20. Fedorov, N.F. Pis'mo k V.S. Solov'evu. Sentyabr' – dekabr' 1897 g. [Letter to V.S. Soloviev. September – December 1897], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. IV* [Collected Works in 4 vol., vol. IV]. Moscow: Traditsiya, 1999, pp. 318–321.

21. Fedorov, N.F. Evolyutsiya i kollektivizm ili voskreshenie i ob"edinenie [Evolution and collectivism or resurrection and unification], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. III* [Collected Works in 4 vol., vol. III]. Moscow: Traditsiya, 1997, p. 281.

22. Fedorov, N.F. Zadacha Konferentsii mira [Mission of the Peace Conference], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 316–331.

23. Fedorov, N.F. Umirotvorenie – zavetnaya zadacha russkikh samoderzhtsev [Pacification is the cherished task of the Russian autocrats], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 303–305.

24. Fedorov, N.F. Vnutrennyaya regulyatsiya, ili preobrazhenie zhivushchikh, synov, i pervoe voskreshenie umershikh, ottsov, i pervoe voznesenie ikh na inye miry (planety) dlya rasshireniya vneshney regulyatsii, a s neyu dal'neyshikh voskresheniy ili svyashchennodeystviy, kak vyrazhenie supramoralizma [Internal regulation, or transformation of the living, sons, and the first resurrection of the dead, fathers, and their first ascension to other worlds (planets) to expand external regulation, and with it further resurrections or sacred rites, as an expression of supramoralism], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. III* [Collected Works in 4 vol., vol. III]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 355–359.

25. Fedorov, N.F. O soedinenii dvukh razumov [On the connection of two minds], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. II* [Collected Works in 4 vol., vol. II]. Moscow: Progress, 1995, pp. 95–96.

26. Fedorov, N.F. Krizis marksizma [Crisis of Marxism], in Fedorov, N.F. *Sobranie sochineniy v 4 t., t. III* [Collected Works in 4 vol., vol. III]. Moscow: Traditsiya, 1997, pp. 382–283.